

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

Л. К. Герасимович

СВЕТСКИЕ МОТИВЫ В ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ Д. РАВЖИ

Дулдуйтын Равжа родился в 1803 г. в хошуне Мэргэн-вана. Родители его были очень бедны и, потеряв единственного коня, скитались по степи пешком. О детстве и ранней юности Равжи сложено много легенд и преданий, которые мистически трактуют некоторые эпизоды его жизни. В восемь лет Равжа был возведен в сан пятого хубилгана нойон-хутухты и стал зваться Лувсанданзан Равжа. Из воспоминаний самого поэта мы узнаем, что обычно они с отцом целыми днями бродили по айлам в поисках хоть какой-то еды. Однажды совершенно неожиданно им подали отличный кусок мяса и чашку крупы. Отец призадумался, а потом произнес: «Мой сын не простой мальчик!» Позднее они попали в дом одного знатного ламы, и мальчуган вдруг спросил хозяина: «Ламбугай, вы ведь хорошо присматриваете за своим гнедым Борви?» (по преданию, предыдущий хутухта именно этого коня одарил своей святостью). С этого случая и начались разговоры о явлении пятого хутухты. Окончательно все уверовали в святость Равжи после того, как над тем местом, где он стоял, неожиданно появилась радуга и медленно поднялась в небо.

Существует немало легенд и о ранней поэтической одаренности Равжи: «В 1810 г. ... мы отправились в один айл на обряд призывания счастья. Сидели мы с отцом у дверей. Когда начался вечерний пир, пошел страшный ливень, и, хотя северная половина юрты была прикрыта отменным войлоком, в нее все же попадала вода. Место у дверей было самое плохое, по крышка над ним неважная, но ни одна капля дождя здесь не упала. Люди зашептались: „Там, где он сидит, и дождь боится капать“. Тут я громко запел песню „Хормуста тэнгри“. И все очень удивились» [Цагаан, 1962, с. 4]:

Хотя на небе много звезд,
Лишь несколько имеют свет особый.
Хоть на земле живет и множество людей,
Но мудрецов на ней совсем немного.

[Равжаа, 1962, с. 35]

С четырнадцати лет Равжа начал изучать художественное творчество знаменитого тибетского поэта Ромбо Галданжамцо,

много лет прожил в монастыре Бадгар (Внутренняя Монголия), где занимался «схоластикой». В 1827 г. он покинул монастырь, много путешествовал, знакомился с различными людьми, наблюдал жизнь, испытал на себе ее превратности. По преданию, в 1839 г. заболел Жавзандамба-хутухта. Равжа поспешил в Ургу, но в покой хутухты его не пустили под тем предлогом, что он пьяница и не умеет соблюдать этикет. В памяти аратов Равжа сохранился как человек честный и благородный, подвергавшийся унижению и притеснению со стороны высших. Знать ненавидела поэта, но он никогда не заискивал перед ней, как никогда не обижал и слабого: «Мое честное сердце не в ладу с этим миром, мой строптивый нрав не в ладу с людьми» [Равжаа, 1962, с. 107]. Умер Равжа в 1856 г., умер, по преданию, не своей, а насильственной смертью, отравленный ненавидевшей его ханшей.

Художественное творчество занимало главное место в жизни Равжи, всегда и во всем он был прежде всего писатель. Мы располагаем более чем 170 произведениями знаменитого монгольского поэта:

Неисчерпаемы чернила сердца,
Незатупляемо перо языка,
Неразрываема бумага явлений [жизни],
Прекрасно написанное.

[Равжаа, 1962, с. 147]

В 1962 г. монгольская исследовательница Д. Цагаан подготовила к изданию стихи Равжи на современном монгольском языке и написала кандидатскую диссертацию, посвященную анализу его поэтического наследия. «Значительная часть творчества Равжи носила религиозный характер, проповедовала непримиримость (к настоящему) во имя будущего. Но наряду с этим он писал сургалы, стихи и песни, в которых главными темами были любовь, мечты, обычаи простого, земного человека. У Равжи много стихов, выражающих ненависть к бесчестию, обману, лести и хитрости», — пишет Д. Цагаан [Цагаан, 1962, с. 15].

Жизнь Равжи и его характер были двойственны: сан хутухты обязывал его следовать обету, живой ум и энергичный нрав звали к действию. «Я с детства люблю коней, не меньше люблю я женщин. Познав бездумность, я бездумно наслаждаюсь» [Равжаа, 1962, с. 74]. Он метался, переезжал из одного места в другое, узнал вкус вина и радость разделенной любви. Обреченный на безбрачие, долгие годы любил женщину, называл ее своей женой, горевал о невозможности открыто жить семьей и домом: «Любимая моя жена, я безмерно скучаю по тебе! Из тысяч — одна ты, светлая моя. Развей туман разлуки!» [Равжаа, 1962, с. 153].

Равжа любил, ненавидел, воспевал и проклинал землю, на которой родился, обитель страданий и смерти. Он называл мир

безумным, сонным, беспечным, погрязшим в безверии, скрывающим тайные пороки, отнимающим то, что дает: «здесь превращают любящих в врагов», «отравлен завистью сей свет, играет по собственному произволу он судьбами людей». Равжа сознавал, что в этом мире есть знать, кичащаяся своими привилегиями, и бедняки, живущие в мучениях и нищете. Временами ему хотелось бежать от этой страшной действительности, его манила мысль об уединении и отшельничестве, он отрекался от бренных утех... и не находил сил порвать с ними. Он чувствовал себя кровным сыном грешной земли, рожденным для радостей и мук бытия: «Похожий на бродячую собаку, мир, я чай преподношу тебе как жертву. Я погибаю, близок мой смертный час. Ко мне, несчастному, будь добр, мир, и, если я смогу [опять] подняться, оставь и не преследуй меня» [Равжаа, 1962, с. 256].

Творчество Равжи сложно, многогранно и противоречиво, оно в полной мере отражает незаурядность и яркость самой личности поэта, облеченного высоким религиозным саном и открыто тяготящегося аскетизмом его обетов. Равжа был талантлив и как человек, и как литератор, его взгляд на жизнь, людей, миропорядок и религию не был однозначен, он всматривался в окружающую действительность пытливо и придирчиво, старался во всем дойти до самой сути:

Познавших суть истины
Ни в смерти, ни в рожденье не обманешь.
Умение познать явленье
Есть волшебство души.

[Равжаа, 1962, с. 45]

Поэзия Равжи удивительно многоцветна. Эта многоцветность проявляется не только в поэтическом творчестве в целом, но и в каждом отдельном произведении, поэтому так трудно, а подчас и невозможно бывает закрепить то или иное стихотворение за каким-либо определенным жанром. Одно и то же стихотворение, как бы мало ни было оно по объему, может заключать в себе философскую или морально-эстетическую сентенцию, дидактику, религиозный постулат или оду в честь ламства.

Лирика Равжи философична по самой своей сути. В одних стихах идея сформулирована ясно, в других завуалирована метафорой. Поражает не только глубокая наблюдательность поэта, но и его неизменное стремление обобщить наблюдаемое, художественно исследовать его. Во многих стихах и поэмах Равжа писал о единстве противоположностей:

Различны солнце жгучее и ветер ледяной:
Одно безмерно жарко, другой настолько ж хладен,
Но оба, как друзья, стремятся к одному:
Изгнать зло темноты.

[Равжаа, 1962, с. 48]

Земля и небо — пара,
Луна и солнце — пара,

Зима и лето — пара,
Рождение со смертью — пара.

[Равжаа, 1962, с. 130]

Равжа не просто наблюдал мир и природу, но сопоставлял их по сходству и различию, стремился выделить наиболее характерный признак предмета, его изначальную сущность. Он отливал в чеканные художественные образы логические ряды, бесконечно варьируя их содержание. Его увлекали новые и новые сравнения, открывающие в предмете незамеченную грань:

Много деревьев, но мало ароматных, как сандал.
Много зверей, но мало сильных, как барс...
Хотя сандал и ароматен, но все равно не равен
галбарвасу¹,
Хотя барс могуч, но все равно не лев.
Сова отлично видит ночью, но солнце слепит ее.
Венера блистает на рассвете, но днем тускнеет.

[Равжаа, 1962, с. 276]

Равжа ценил жизнь, сознавал ее сложность и противоречивость, не заблуждался относительно справедливости социального устройства общества («Монах, старайся соблюдать обет; богач, старайся подавлять кичливость», «Будь мужествен, одинокий»). Нередко в стихах Равжи звучало отчаяние:

Познал я бессердечность сансары,
Познал коварство друзей неверных,
Познал я многое, живя,
Уйти бы поскорей из этой скверны!

[Равжаа, 1962, с. 144]

В философской лирике Равжи встречаются и политические мотивы. Он хорошо понимал значение централизованного государства для своего народа, ибо сам жил в условиях жестокого подавления монголов маньчжурскими захватчиками:

Два чиновника дружны —
Хана одолеют.
Два хана дружны —
Врага усмирят.
Вельможи, не думающие о согласье,
Являют признак легкомыслия.

[Равжаа, 1962, с. 297]

Многие стихи Равжи, особенно сургалы, представляют собой собранную воедино систему морально-этических взглядов поэта. Сургалы — древнейший жанр монгольского художественного творчества, они присутствуют как в «Сокровенном сказании» (XIII в.), так и в памятниках монгольской культуры позднейших эпох. Задача сургала — научить, наставить, отделить

¹ Галбарвас, или калбарис, — мифическое дерево, предрекающее людям смерть.

доброе от злого, красивое от некрасивого. Сургалы Равжи — сложное жанровое явление, иногда они выражают прямое поучение-наказ, иногда косвенно подводят самого читателя к оценке того или иного события, поступка. В этом смысле сургалы Равжи, особенно «Бумажная птица, проясняющая закон времени» [Равжаа, 1962, с. 279], могут быть оценены и как свод морально-этических и эстетических представлений монголов XIX в.

Сургал «Бумажная птица, проясняющая закон времени» написан в жанре песни-диалога (*харилцаан дуу*), представляющем собой диалог двух действующих лиц, из которых одно задает вопрос, выслушивает ответ, переходит к новым вопросам, содержание которых не регламентировано законами жанра и полностью зависит от интереса автора сургала: «Что сделать легко? Дурной поступок. Чего в мире много, чего мало? Бескорыстных людей мало, злопыхателей много. Что плохо и что хорошо? Плохо невежество, хорош ясный ум. Что вредно и что полезно? Полезна доброта, вредна мстительность».

Постепенно вопросы сургала усложняются: «Что определяет правила человеческой жизни?» Ответ рисует картину полного падения нравов в современном автору мире: «свою собаку жалуют, чужого бурхана выбрасывают», «если выгодно, и себя продадут, что понравится — своруют, да еще гордиться будут», «невыгодно — спокойно нарушат клятву», «сыновья не почитают отцов, молодежь глумится над старостью», «чужой грех велик, как облака в осеннем небе, свой — не больше пылинки», «говорящий правду ничтожен, как мышь», «расставшись, грустят, а встретившись, обманывают снова».

Греховность неизбежно порождает страдания, но «если жить честно, не будет с людьми согласия», «жить тихо — сядут на голову», «люди ищут славы ради выгоды, проповедуют учение ради наживы, совершают добродетельные поступки ради почета».

Несчастные люди, вы обрели великий дар
рожденья человека,
Но каждый из вас несчастен, каждый страдает.

В этой картине нет еще ничего, выделяющего Равжу из общей массы ламства, проклинающего грязь сансары, призывающего бежать ее всеми возможными средствами. Но, развивая свою мысль дальше, рассуждая о сути бытия и месте человека в жизни, Равжа открыто отходит от канонического призыва отринути мир ради воссоединения с сынами, пребывающими в свете буддийской религии. В своем сургале Равжа призывает людей не избегать мирской скверны, а исповедовать правила жизни, позволяющие согласовать пребывание в сансаре с высшими буддийскими добродетелями (слушаться наставлений ламы и родителей, не сомневаться в вере, постигнуть свойство пустоты и т. д.):

Средоточье согласия — лама,
Средоточье добродетелей — ламство...
Средоточье дум — недолговечность жизни,
Средоточье учения — смирение души.

Поучая, Равжа недвусмысленно определяет тех, кому эти наставления полезны, а для кого бессмысленны: не стоит учить глупца, гордеца, тупицу, злодея, сластолюбца, предателя, недальновидного человека. Однако любой совет полезен честному и искреннему человеку, почитающему высших, помнящему о болезнях и смерти, имеющему много друзей, этот совет-наказ должен покорять человека своей правдой и добротой.

На вопрос, какие поступки (именно поступки, а не отказ от них) облегчают познание, успех дела и даруют покой, автор сургала отвечает: нужно уважать традиции, почитать старость, избегать лицемерия и зла, быть воздержанным в речах, не порождать ссоры, осмотрительно шутить, не уклоняться от правды. Речь человека должна строго соответствовать направлению его мысли, не быть лицемерной; недопустимо защищать неправого, соблазняться чужим, грязно ругаться, спорить с глупцом, верить сплетникам. Наряду с подобного рода этическими сентенциями сургал содержит немало афоризмов, вполне пригодных для обычной жизни мирянина среди людских страстей и забот:

Болезнь хоть и мала — причина смерти.
Краска хоть и мала — причина изменения цвета.
Добро хоть и мало — причина помощи.
Огонь хотя и мал — причина всех пожаров.

Равжа любил жизнь и в радости, и в беде, горевал о ее быстротечности, не боялся греха и страданий, хотел насладиться каждым мгновением выпадавшей ему радости. Наверное, поэтому большинство его стихов независимо от темы кончаются оптимистическим призывом: «С друзьями будем наслаждаться!»», «Навеки вместе радоваться будем!»:

Пел о разном, подчас безумном,
Был не пьяным, а трезвым.
Не безумным, а просто жившим,
Не по выбору пел, а по сердцу.

[Равжаа, 1962, с. 124]

Радостью и страданьем
Сердце свое изукрашу,
Силой геройского сердца
Алчных врагов одолею!

[Равжаа, 1962, с. 52]

Интересна и разнообразна медитативная лирика Равжи. Он задумывается над множеством жизненных вопросов, и сегодня близких каждому мыслящему человеку. Размышляя о жизни, поэт что-то просто констатирует («Дурного человека в товарищи возьмешь, познаешь от него позор и горе»), что-то

одобряет («Подружишься с хорошим человеком, познаешь свет и мудрость»), над чем-то задумывается («Когда судьба определит час смерти, нет разницы — ты молод или стар»), что-то решительно осуждает («Сам счастливо живешь, а говоришь „страдаю“ и этим навлекаешь горе на себя»).

«Прозрачность» [Равжаа, 1962, с. 97] — одно из лучших и наиболее характерных для медитативной лирики Равжи стихотворений. Мысленно поэт скользит от предмета к предмету, от одного явления к другому, сопоставляя их и вдумываясь в их смысл. Его поражает волшебное свойство человеческого воображения воссоздавать реальный мир:

Не нарисована цветными красками,
А скажут: «Радуга!» — и пред тобой она.
Никто не видел радость или горе,
Но как реальны в представлении они!

На смену этим размышлениям приходят раздумья о жизни, окружающих людях:

Добро и грех присущи всем сердцам...
Хотя и получаешь чины и званья, к чему они?..
Враг или друг? Зависит от свойств его души
Убить или спасти в сем бренном мире.

Стихи Равжи отличают тонкое понимание психологии человека, обостренное чувство справедливости и человеческого достоинства («Будь справедлив даже к врагу, убегай из ханских покоев, если там царит зло», «Коль возвеличен князем и не гордишься — хорошо, коли унижен, как раб, и не горюешь — хорошо»). Равжа был певцом лучших человеческих свойств и качеств, он звал людей быть стойкими в беде, не гневаться, когда говорят о недостатках, уметь не только брать, но и давать, заботиться о других, как о самом себе, не лгать, не унижать другого [Равжаа, 1962, с. 236]. Он никогда не отказывал человеку в праве устраивать свою жизнь, полагаясь на собственный разум, стремления и опыт.

Равжа всю жизнь ценил добро и благородство, ненавидел обманщиков, подхалимов, льстецов и эгоистов, любая встреча со злом и коварством была для него мучительна и тягостна (трудно переносить дурного человека, глупая злобность мешает таланту):

Стыдитесь, мудрецы, не сочетающие ученье с сердцем!
Стыдитесь, старики, прожившие без добрых дел!
Стыдитесь, молодые франты, не думающие о душе!
Стыдитесь, нойоны, убивающие крепостных!
Стыдитесь, хуvaraки, сидящие днем в храме, а ночью
бродящие по айлам!

[Равжаа, 1962, с. 235]

В отличие от фольклора в письменной монгольской литературе любовная тема веками негласно считалась низкой и недостойной настоящей поэзии. Равжа открыто нарушил этот за-

прет и написал много стихов о любви, о женщине, ее красоте и достоинстве. Не таясь, не скрывая своих чувств, выражал он восхищение красотой любимой, благозвучностью ее речи, армоматом молодого тела, добротой нрава («Твое лицо блестящим зеркалам подобно.. подобна пению кукушки речь твоя.. твой нрав подобен вкусу меда... твой гибкий стан подобен лотосу... характер добрый твой словно луна»).

Равжа писал о любви стилем высоким, славящим ум и сердце женщины («Единственная, солнечная, милее ты цветов и трав, светлее солнца», «Прозрачно в чаше вкусное архи, и чисто сердце моей любимой»). Однако поэтизация чувств в интимной лирике Равжи не противоречит искренности любовных переживаний, а, наоборот, подчеркивает их человечность и глубину. Герой мечтает запречь быстрого солового (или быстрого гнедого) и помчаться к жене, с которой так приятно говорить по душам, так страшно уезжать от нее надолго, ведь мир коварен и лжив («Я уезжаю, милая, ты не грусти, но не забудь меня... я так хочу быть рядом с тобой»):

К тебе, любимая,
Живущая далеко,
И за день не доедешь.
К тебе я отправляюсь.
Как небо широко
В той стороне!..
Мы будем неразлучно
Блаженствовать вдвоем!

[Равжаа, 1962, с. 103]

Настрой интимной лирики Равжи в общем созвучен народным любовным песням. А. М. Позднеев писал, что в Монголии нечасто встречается брак по любви, этому нередко препятствуют несогласие родителей жениха или невесты, несовпадение ламских примет. Все это привносит в песни «грусть и раздумье влюбленного певца, для которого совместная жизнь с предметом своей любви, естественно, должна быть загадкой даже и в то время, когда он находит в себе взаимное сочувствие» [Позднеев, 1880, с. 113]. И в любовной лирике Равжи нередки нотки душевной тоски, рожденные невозможностью быть всегда вместе с любимой, зависимостью от своего положения и людского мнения. Есть в этих стихах и буддийские мотивы о предопределенности встречи, вечном воссоединении в сфере пустоты.

И все же интимная лирика Равжи не только раскованнее в выражении своих чувств, чем народные песни, но и гораздо более оптимистична: «Пусть в этой жизни исполнятся желания наши, в бездонном море счастья мы будем вместе, ликуя, плыть», «Прогоним тьму глухую. Подобно жаркому, пылающему солнцу, что заставляет раскрываться лотос, мы будем наслаждаться вместе»:

Веет ветер,
Качаются ветви деревьев.

Ясней, чем лунный свет,
Мысль в сердце: «Я не смогу с тобой расстаться!»

[Равжаа, 1962, с. 53]

Равжа был основоположником не только любовной, но и пейзажной лирики монгольской письменной литературы. Описание природы у него всегда подвластно чувству человека, связано со зримыми приметами его жизни и быта, проникнуто размышлениями об изменчивости человеческого бытия. Весной все на земле приходит в движение, возвращаются перелетные птицы, дети купаются в родительской любви и думают, что это навеки. Летом плещутся в озере птицы, одни цветы сменяют другие, радостно веселится молодежь и думает, что лето — это навек. Осенью зелень и цветы теряют свои краски, слабее греет солнце, истощается плодородие земли, уходит молодость и наступает старость. Приходит зима, а с нею смерть («Хорошо покидать эту землю, плохо расставаться с родными»):

Подул горячий ветер,
Повсюду оттаяла земля,
Вернулись птицы —
Весны приметы.
Поднялось прекрасное солнце,
Пролился дождь,
Воспряли луг и ковыль —
Лета приметы.
Повеял легкий ветер,
Пожухли листья, травы,
Улетели птицы сладкоголосые —
Приметы осени.
Собрались густые тучи,
Закрыли Хангай высокий,
Посыпался с неба снег —
Зимы приметы.
Закатилось полуденное солнце,
Промчалась годы,
Седыми стали волосы густые —
Приметы старости.

[Равжаа, 1962, с. 212]

Монголы, всю жизнь жившие в неразрывной зависимости от природы, благодарно принимали как ее добрую щедрость, так и суровую скупость. Тепло и холод, обилие и бескормица были так же естественны и неизбежны, как зима и лето, молодость и старость, поэтому природа в поэтическом сознании монгольского народа всегда воспринималась как явление, гармоничное человеку:

Живи спокойно, синее небо,
Мы, солнце и луна, обходим матерки.
Пусть не закроют тебя густые лохмотья облаков,
Мы встретимся опять!
Пещеры горные, живите в мире.
Мы, ястребы, орлы и грифы, летаем в небе,

Минуем мы капканы и силки,
Мы встретимся опять!

[Равжаа, 1962, с. 233]

Как всякий настоящий монгол, Равжа страстно любил коней, восхищался их статями, красотой аллюра, выносливостью, добротой и кротостью нрава (хребет высок, словно Хангай, туловище гибко, как река Керулен, цокот копыт волнует, как прекрасная музыка). Многие из магталов — од коню — стали народными песнями, которые поют и современные монголы. Конь особенно дорог Равже еще и потому, что был единственным средством достичь дома родителей и жены. Отец, мать, жена и конь объединяются в сердце поэта как самые близкие и родные ему существа:

Высокий перевал
На зорьке одолею,
Пораньше на рассвете приеду в гости
К седой старушке маме.

[Равжаа, 1962, с. 143]

Немалое место в творчестве Равжи занимает религиозная тема. Каждое его стихотворение (за небольшим исключением) содержит обрамление, буддийский орнамент, восхваляющий учителя, учение или молитву. К этому Равжу обязывало не только высокое духовное положение — он был искренне верующим человеком, что и нашло естественное отражение в его поэзии. Он чтит лам-учителей, наставников в настоящей и будущей жизни («Бурхан нас просвещает, что грех, что добродетель, и только глупость толкает нас по ложному пути»), верил в три драгоценности («Испытываешь боль или страданье, верь в великие три драгоценности»), принимал идею об иллюзорности человеческого бытия («Радуга на небе разве надолго? Рожденный в этом мире разве вечен?»). Равжа исповедовал высшую буддийскую добродетель — спасение живых существ («Для человека, почитающего веру, стремящегося к святости бурхана, живые существа, пусть и греховные, есть сила по пути добра»), разделял буддийское понимание причинно-следственной зависимости («Причина бедности, сомнений и хулы — дурные помышленья в прошлом», «И все явления есть результат деяний прежних»). Особенно часто в стихах Равжи повторяется идея абсолютной значимости «качества пустоты»:

Хотя и появился холмик в озере,
Похожий на луну в воде,
В суть вникнешь — пустота.
Нет формы, чтоб сказать «такой»,
Нет направленья в уходе и приходе,
Нет цвета красного, нет цвета белого,
Хоть и надеешься — напрасно.
Хоть и печалишься — напрасно.
Удивительно качество пустоты!
Найти сокровища, разбогатеть

И обеднеть при встрече со стражем ада,
Мириться и расставаться —
Все это заблуждение сердец!

[Равжаа, 1962, с. 127]

Равжа признавал веру, но искреннюю и глубокую, когда обет и поведение человека едины, когда верующий верит, а не выдает себя за такового. Он жалел и порицал людей, суесящихся в заботах о собственном благе, забывающих, что смерть превратит в ничто все, ради чего они хлопотали и мучились:

Гора Сумбэр с восемью материками
Украшена и солнцем, и луной.
Бесчисленно количество страстей,
Которые одолевают нас.
Смех, развлеченья, радость —
Волшебные приметы жизни,
Но перед ликом смерти
Что стоят?
И золото, и серебро
Украсят жизнь живого,
Но перед ликом смерти
Что стоят?

[Равжаа, 1962, с. 135]

Нисколько не умаляя религиозного звучания в поэтическом наследии Равжи, отметим, однако, что и в его духовной лирике религиозное и светское не противопоставлены друг другу, не отгорожены непроходимой стеной. Так, в магталах, восхваляющих монгольские монастыри и их правителей, есть немало описаний красоты окружающей природы:

Та местность — средоточье мудрости —
Окружена подолом многоцветных трав,
Одета в пеструю, цветную рубашку,
Над ней вершина снеговая.

[Равжаа, 1962, с. 56]

Даже в молитве, обращенной к будде, чувствуется живое человеческое сердце поэта:

Даруй мне милость жить без голода!
Даруй мне милость иметь друга верного!
Даруй мне милость прожить без старости!
Даруй мне милость избегнуть боли!
Даруй мне силу непобедимую!
Даруй мне жизнь без обеднения!
Даруй мне жизнь без смерти!

[Равжаа, 1962, с. 89]

Поэзия Равжи не только глубока и разнообразна по темам и идеям, но и высокохудожественна по форме. Изобразительные средства его стихов одновременно традиционны, многообразны и сложнометафоричны. Поэт экономно, художественно и емко пользуется богатствами национальной и тибетской поэти-

ки, однако для его творчества характерна не восточная пышность, а предельно краткая концентрация мысли в афоризме («И каменная осыпь разрушится в конце концов, как неизбежно ждет разлука с любимыми и близкими людьми», «Пусть это будет лев, но грязную блевотину его никто не будет есть, хотя бы она была в посуде драгоценной»), пословице или поговорке («Хоть и остро лезвие ножа, но твердость камня разве одолеет?», «Хоть правда и жестока, она полезна человеку», «Нет врача — и знахарь сгодится», «Не только нойон, но и собака может защитить», «На вершине горы озеро не удержится, в голове занайки мудрость не удержится»).

В своем творчестве Равжа широко использует поэтические жанры письменной литературы монголов и устного народного творчества (магталы, сургалы, песни-диалоги, загадки, обрядовые песни с пожеланием жизненного благополучия и удачи). О сургалах и магталах уже упоминалось выше. В традиционной форме песни-диалога написано, например, стихотворение «Старик-птица» [Равжаа, 1962, с. 78], где вопрос обязательно предполагает быстрый и остроумный ответ. Сначала прилетевшему с юга гусю задают простые загадки: что за дождь с безоблачного неба? Что за дым без огня (дождь без облаков — иней, дым без огня — туман)? Затем вопросы усложняются, приобретают более абстрактный характер, требующий ассоциативного мышления: что значит мерзнуть на холоде при луне (зимняя холодная луна — символ старости)? Зачем птицы возвращаются из теплых краев (но ведь Монголия — их родина!)?

При всем разнообразии поэтических средств в стихах Равжи есть устоявшиеся, особенно любимые автором образы: добрые свойства характера он часто сравнивает с листьями, теплым ветром, рекой, водой бессмертия — рашияной, небо олицетворяет счастье и покой, зеркало — красоту и отчетливость восприятия, сандал — честность, мифическая гора Сумбэр — прочность и основательность, море — обилие, радуга — быстротечность, мираж — материальный мир, летняя зелень — детство, сновидения — жизнь.

Самыми распространенными средствами поэтики для Равжи были катрен, смысловый и синтаксический параллелизм, аллитерация (есть стихи, написанные специально для аллитерации на буквы «а» и «у»). Очень часто и охотно пользовался Равжа анафорой и эпифорой:

Всем правду говорить есть честности примета.
Все тщательно обдумать есть светлого ума примета.
Открыто чувства выражать есть истинной любви примета.
Жить вместе есть дружбы истинной примета.
[Равжаа, 1962, с. 55]

Прекрасен вкус миробалана.
Прекрасно поученье доброй матушки.
Прекрасны листья сандала.
Прекрасно наставление родителей.

[Равжаа, 1962, с. 232]

Художественное наследие крупнейшего монгольского поэта XIX в. сохранило свое значение до наших дней. Оставаясь поэтом своего времени, своей эпохи, рассказавшим людям в стихах и поэмах о жизни, чувствах, радости и страдании своего народа, Равжа современен и сегодня, современен потому, что в его поэзии мы находим прежде всего человека. Этот человек бывает разным: думающим, чувствующим, сострадающим или негодующим, но он никогда не бывает равнодушным созерцателем окружающей его действительности. Лирический герой Равжи не атеист, не борец за социальную правду, его сознание во многом определяет буддийская религия, но он исповедует добро и ненавидит зло, в том числе и общественное, он предан любви и дружбе и непримирим к несправедливости и пороку. Светская лирика Равжи — достояние не только монгольского народа; как всякое истинное искусство, она близка любому человеку, ищущему в литературе мысль, правду и красоту слова.

Позднеев, 1880.— *Позднеев А.* Образцы народной литературы монгольских племен. СПб., 1880.

Равжаа, 1962.— *Равжаа Д.* Зохиолын эмхэтгэл. Улаанбаатар, 1962.

Цагаан, 1962.— *Цагаан Д.* Оршил.— *Равжаа Д.* Зохиолын эмхэтгэл. Улаанбаатар, 1962.